Андрей Шишков

# Дискуссия о концепции «консервативного экуменизма»

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-10-29

*Andrey Shishkov*

**Discussing the Concept of "Conservative Ecumenism"**

**Andrey Shishkov**—Sts. Cyril and Methodius Post-Graduate Institute; Center for Studies on Contemporary Ecclesiological Issues of the Eastern Orthodoxy; Synodal Biblical and Theological Commission of the Russian Orthodox Church (Moscow). andrey.v.shishkov@gmail.com

*The article continues the discussion of the concept of "conservative ecumenism", proposed by the author in 2017 to describe conservative Christian alliances in defense of traditional values. Main debates have revolved around the use of the term "ecumenism" in the case of such alliances. The article proposes minimal criteria of being "ecumenical"—those that the author calls "ecumenical consciousness". The question of whether striving for Christian unity is a necessary criterion of ecumenism is considered. Based on the work of George Lindbeck, the author shows that the normative image of ecumenism as a movement to achieve unity as a mandatory condition was wrong, and that negotiating unity was not the only possible form of ecumenical interaction. The article also discusses the relationship between theology and ideology in connection with ecumenism.*

**Keywords:** anti-ecumenism, Christian Right, conservatism, conservative Christian alliances, Ecumenical movement, ecumenism, inter-confessional cooperation, Manhattan Declaration, Pan-Orthodox Council, postsecular conflicts, pro-life, traditional values, World Council of Churches, World Congress of Families.



*Шишков А.* Дискуссия о концепции «консервативного экуменизма» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №4. С. 10–29.

Shishkov, Andrey (2018) "Discussing the Concept of 'Conservative Ecumenism'", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 36(4): 10–29.

Сегодня тема консервативных христианских альянсов, выступающих в защиту традиционных ценностей, все больше привлекает внимание исследователей — социологов, политологов, религиоведов. Но изучение этого феномена может проводиться не только методами общественных и политических наук, но и через теологическую оптику. Именно теология — или, точнее, экклезиология, богословская дисциплина, изучающая Церковь — позволяет рассмотреть консервативные христианские альянсы как разновидность экуменизма.

Дискуссия о «консервативном экуменизме» как самостоятельном феномене, отличном от традиционных форм экуменического взаимодействия, началась в 2017 г. с моей публикации[1,2] в журнале «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». Эта тема стала центральной на международном семинаре «Ecumenism 2.0? Between Ecumenism and Anti-Ecumenism (Orthodox Cases)»[3]. Обсуждение продолжилось в ряде последовавших за семинаром публикаций[4], некоторые из которых специально подготовлены для данного выпуска журнала. В своей статье я хотел бы осветить эту дискуссию и ответить на критику со стороны коллег.

## Исторические формы экуменизма

Основные дебаты развернулись вокруг того, насколько корректно называть консервативные христианские альянсы в защиту

1. *Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 268–299.
2. Моя публикация не была единственной, где консервативные христианские альянсы рассматривались как форма экуменического взаимодействия. Здесь следует отметить статьи Кристофера Струпа (Stroop, C. (2016) "Bad Ecumenism: The American Culture Wars and Russia's Hard Right Turn", *Wheel* 6: 21–24), Натальи Василевич (Vasilevich, N. (2013) *Orthodox Perspective of the Faith and Order Ecumenical Ecclesiological Convergence Document 'The Church — Towards a Common Vision' (2012).* Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn), а также архимандрита Кирилла Говоруна (Hovorun, C. (2017) "Ecumenism: Rapprochement Through Co-working to Reconciliation", *Religions* 8(5), 70). Однако публикация этих статей не повлекла за собой какой-либо заметной академической дискуссии. Но сегодня их необходимо учитывать в изучении рассматриваемого феномена.
3. Семинар состоялся 21–24 марта 2018 г. в Вене в рамках исследовательского проекта «Постсекулярные конфликты» при участии Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия и редакции журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом».
4. См., например, блок, посвященный дискуссии вокруг понятия «консервативный экуменизм» в *Religion & Gesellschaft in Ost und West* 10, 2018.

традиционных ценностей экуменизмом. И здесь не обойтись без небольшого экскурса в историю[5]. Экуменизм как форма взаимодействия христианских церквей и общин появился больше ста лет назад. Отправной точкой экуменического движения считается Всемирная миссионерская конференция, состоявшаяся в Эдинбурге в 1910 г. На этой конференции, по словам ее председателя Джона Мотта, христиане «поняли, что самая большая преграда на пути распространения христианства — мы сами»[6]. Одной из главных тем, обсуждавшихся в Эдинбурге, стала миссионерская «борьба за души» между христианами в нехристианских странах. Эта борьба, по мнению многих участников, лишь дискредитировала христианство перед лицом не слишком дружелюбного по отношению к нему современного мира. Потребность в едином христианском свидетельстве в стремительно секуляризующихся обществах поставила вопрос о христианском единстве, которое со временем стало декларироваться в качестве основной цели экуменического движения. Экуменизм можно назвать христианским ответом на секуляризацию.

Ранний экуменизм не был монолитным явлением, он состоял из разных движений, каждое из которых ставило перед собой собственные цели. Наиболее заметными из них были два: «Вера и церковное устройство» (Faith and Order), задачей которого было прояснение богословских условий церковного единства, и «Жизнь и труд» (Life and Work), занимавшееся проблематикой единого христианского социального действия. В 1948 г. различные движения объединились во Всемирный совет церквей (ВСЦ), который стал центральной площадкой экуменического диалога. Со временем появились региональные аналоги ВСЦ — Конференция европейский церквей, Ближневосточный совет церквей, Всеафриканская конференция церквей и т. д. Церковные структуры, отвечающие за экуменическую деятельность, появились и в самих церквах. Так, например, после официального вступления Римско-католической церкви в экуменическое движение был создан Папский совет по содействию христианскому единству. В Рус-

5. Более развернутый обзор истории экуменического движения см. *Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия. С. 272–281.

6. *Мотт Дж.* Заключительное слово на Всемирной миссионерской конференции. Эдинбург, 1910 // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 13.

ской православной церкви также существовали соответствующие структуры[7]. На уровне официальных деклараций экуменические структуры заявляли цель видимого достижения христианского единства[8], а на уровне практики — сосредоточивались на взаимодействии в области социальной работы, правозащитной деятельности, организации совместных молитвенных акций и паломничеств и т. д. Термин «экуменизм» стал прочно ассоциироваться с деятельностью ВСЦ, аффилированных с ним экуменических организаций и фондов, а также церковных структур, занимающихся двух- и многосторонними богословскими диалогами между церквами[9]. Этот организационный тип экуменизма я предложил называть «классическим», чтобы отличить его от «консервативного», который не связан с ВСЦ и официальными церковными структурами, отвечающими за богословские диалоги между отдельными конфессиями.

Консервативный экуменизм институционально оформлен в виде движений, деятельность которых вращается вокруг повестки т. н. «традиционных ценностей»: традиционная семья (анти-ЛГБТ), жизнь (аборты, эвтаназия, искусственное оплодотворение), религиозная свобода (религиозные символы в публичном пространстве)[10]. Ярким примером консервативно-экуменической организации является Всемирный конгресс семей (ВКС), прекрасно описанный именно в этом качестве Кристиной Штёкль[11]. Другим примером институционализации консервативного экуменизма яв-

7. В 1960 г., накануне вступления Русской православной церкви во Всемирный совет церквей, была создана Комиссия по межхристианским связям, в 1979 г. появилась Комиссия Священного Синода по вопросам христианского единства. Преемницей последней в 1993 г. стала Синодальная богословская комиссия, одной из первых задач которой стала оценка результатов богословского диалога Православной церкви с ориентальными церквами.

8. Fitzgerald, T.E. (2004) *The Ecumenical Movement: An Introductory History*, p. 1. Westport, CT: Praeger. О достижении видимого единства церквей говорится также в документе «Церковь: на пути к общему видению», представленном на 10-й Генеральной ассамблее ВСЦ в Пусане, 2013 (*The Church: Toward a Common Vision* (2013), WCC Publications.).

9. Речь идет, к примеру, об официальных диалогах между Православной и Римско-католической церковью, или между Римско-католической церковью и Всемирной лютеранской федерацией. Эти диалоги не связаны со структурами ВСЦ и представляют собой прямые экуменические контакты между конфессиями.

10. *Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия. С. 224.

11. См. статью Кристины Штёкль в настоящем номере.

ляются про-лайф движения[12]. В рамках консервативного экуменизма существуют и двусторонние церковные контакты и инициативы, как например, взаимодействие между Русской православной церковью и Евангелической ассоциацией Билли Грэма[13].

## «Экуменическое сознание»

Возвращаясь к дискуссии о корректности именования консервативных христианских альянсов формой экуменического взаимодействия, необходимо задаться вопросом: что такое экуменизм и каковы критерии принадлежности к нему? Феномен экуменизма заключается не только (и не столько) в создании различных структур, обеспечивающих диалог и взаимодействие между церквами и христианскими общинами. Экуменизм представляет собой новое христианское мировоззрение, в основе которого лежит поворот к открытости и взаимному признанию христианами разных конфессий друг друга в качестве христиан. В своей статье я назвал это мировоззрение «экуменическим сознанием» и предложил минимальные критерии, его определяющие. Их три: (1) признание общности христиан вне зависимости от конфессиональной принадлежности; (2) отказ от прозелитизма, т. е. такой формы миссионерской деятельности, которая связана с целенаправленными усилиями по обращению христиан одной конфессии в другую; (3) принципиальный отказ от богословского языка, определяющего христиан других конфессий в негативных терминах «ереси» и «раскола» («схизмы»)[14]. Я утверждал, что консервативные экуменисты являются носителями экуменического сознания и разделяют эти экуменические ценности[15].

Уилл Коэн называет предложенные мною критерии двусмысленными[16]. С его точки зрения, следование указанным критери-

12. См., например: Martin, J. (2018) "The Ecumenism of Pro-Life Movement", *Public Orthodoxy*, 01.02.2018 [https://publicorthodoxy.org/2018/02/01/the-ecumenism-of-the-pro-life-movement/, accessed on 03.11.2018].
13. О разных формах консервативного экуменизма см. подробнее: *Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия. С. 286–294.
14. Там же. С. 273.
15. Там же. С. 297.
16. Cohen, W. (2018) "Politische und theologische Motivationen der (Anti-)Ökumene", *Religion & Gesellschaft in Ost und West* 10: 26. См. также статью У. Коэна в настоящем номере.

ям не обязательно приводит к экуменизму. Например, он говорит о церковном публицисте, который «очень хочет включить неправославных в число “всех, кто следует за Христом”, но отказывается признать экклезиальный характер любого неправославного [христианского] сообщества»[17]. Другой пример связан с православными, которые говорят, что они против прозелитизма, но при этом не признают существования других церквей за пределами православия[18]. В обоих случаях речь идет о признании других христианских сообществ церквами не в качестве религиозных организаций, называющих себя «церковью», а с богословской точки зрения — Церковь как метафизическая реальность.

Однако даже в классическом экуменизме нет обязательного требования признавать другие церкви церквами. Более того, в одном из ключевых документов Всемирного совета церквей говорится, что «членство [в ВСЦ] не означает, что каждая церковь должна признавать другие церкви, входящие в Совет, как церкви в полном и подлинном смысле этого слова»[19]. А значит, те христиане, кто признает общность христиан поверх конфессиональных границ, осуждает прозелитизм и не использует язык «ересей» и «расколов», но не готов признавать другие христианские сообщества церквами в экклезиологическом смысле слова, тоже могут быть названы экуменистами.

Необходимым элементом экуменического сознания, упущенным мною, Коэн считает стремление к восстановлению единства. Он пишет: «Экуменист — это тот, чья надежда на восстановление полного единства... требует приложения сил для его достижения»[20]. Он добавляет, что многие классические экуменисты, в частности православные и католики, нередко рассматривали работу по достижению единства с другой церковью с надеждой на то, что другая церковь «сохранила по крайней мере некоторые общие ключевые экклезиальные элементы»[21].

Регина Элснер считает, что я редуцирую нормативные требования экуменизма исключительно к цели организационного един-

17. Cohen, W. “Politische und theologische Motivationen der (Anti-)Ökumene”, p. 26.

18. Ibid., p. 26.

19. Церковь, церкви и Всемирный совет церквей // Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М., 1999. С. 226.

20. См. статью Коэна в настоящем номере.

21. Там же.

ства[22]. Но, как можно было видеть выше, я, отстаивая идею о том, что консервативные христианские альянсы — разновидность экуменизма, придерживаюсь прямо противоположного мнения. Для таких альянсов организационное единство не является целью. Скорее, они исходят из уже свершившегося факта достигнутого единства, как это, например, декларируется в одном из значимых документов консервативного экуменизма — Манхэттенской декларации 2009 г.: «Мы — христиане, объединились через исторические границы церковных расхождений, чтобы подтвердить наше право — и, что еще более важно, использовать наш долг — чтобы говорить и действовать в защиту этих истин»[23].

## Стремление к восстановлению единства как критерий экуменизма

Замечание Коэна о необходимости для экуменизма стремления к восстановлению церковного единства ставит перед нами вопрос: как понимать единство? Современный экуменический богослов Дагмар Хеллер говорит, что термин «единство» понимался участниками экуменического движения по-разному: (1) как общее дело, (2) как интеркоммунион (т. е. евхаристическое общение при сохранении автономии церквей), (3) как «органический союз» (т. е. общую организацию)[24]. Первое — вполне применимо и к консервативным христианским альянсам. Но дело в том, что второе и третье (но не первое) сегодня воспринимается как экуменический императив[25].

В 1989 г. американский лютеранский богослов и многолетний экуменический деятель Джордж Линдбек написал статью, в ко-

22. Elsner, R. (2018) “Wie ökumenisch sind ‘konservative christliche Allianzen’?”, *Religion & Gesellschaft in Ost und West* 10: 19.

23. Русский перевод Манхэттенской декларации см.: Манхэттенская декларация — «Призыв к христианской совести». Полный текст документа // Православие и мир. 27.11.2009 [http://www.pravmir.ru/manxettenskaya-deklaraciya-prizyv-k-xristianskoj-sovesti-tekst-dokumenta/, доступ от 3.11.2018].

24. Христианский экуменизм сегодня: кризис или трансформация? Беседа с экуменистами разных конфессий // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 305.

25. Например, во Введении к документу ВЦС «The Church: Toward a Common Vision» (2013) говорится о достижении «видимого единства в единой вере и едином евхаристическом собрании» как о цели (The Church: Toward a Common Vision, p. 1–2). Можно утверждать, что этот официальный документ выражает нормативное видение единства в экуменическом движении сегодня.

торой различил два вида экуменизма: объединительный (*unitive*) и межконфессиональный (interdenominational). Причем, наблюдая реалии 1980-х гг., он пришел к выводу, что межконфессиональный экуменизм растет, а объединительный приходит в упадок. Линдбек пишет: «Христиане из различных церквей делают вместе все больше и больше поверх конфессиональных границ, и в то же время кажется, что все меньше и меньше интереса и прогресса в фактическом объединении церквей»[26].

Это открытие, впрочем, скорее выявляет аберрацию, которая произошла в экуменическом движении в 1960–1970-е гг., нежели действительно обнаруживает возникновение нового типа экуменизма. Линдбек пишет, что на заре экуменического движения доминировал межконфессиональный экуменизм, который был сосредоточен в деятельности Студенческого христианского движения (*Student Christian Movement*), Христианской ассоциации молодых людей (*YMCA*). Всемирную миссионерскую конференцию в Эдинбурге, движение «Жизнь и труд», чья первая конференция состоялась в Стокгольме в 1921 г., Линдбек также относит к межконфессиональному экуменизму[27]. Параллельно с этим появились инициативы, которые можно отнести к объединительному экуменизму. В первую очередь это движение «Вера и церковное устройство», первая конференция которого состоялась в Лозанне в 1927 г.

Таким образом, можно констатировать, что изначально в экуменическом движении существовало два направления: в основе первого лежала идея межхристианского сотрудничества в разных вопросах практического характера, в основе второго — достижение христианского единства. То есть на ранних этапах становления экуменического движения не существовало какого-то единого понимания экуменизма.

Линдбек пишет, что объединительный экуменизм «был чрезвычайно усилен вхождением на экуменическую арену Римско-католической церкви на II Ватиканском соборе»[28]. Трансформация, произошедшая в экуменическом движении в 1960–1970-е гг., заключается в том, что понимание экуменизма как движения к христианскому единству стало нормативным. Таким образом, как говорит Линдбек, «экуменическое движение, которое вначале

26. Lindbeck, G. (1989) “Two Kinds of Ecumenism: Unitive and Interdenominational”, *Gregorianum* 70(4): 647.

27. Ibid., p. 649.

28. Ibid.

было преимущественно межконфессиональным, стало, по меньшей мере официально, объединительным»[29].

В одном из последних официальных документов ВСЦ — «Церковь: на пути к общему видению» (2013) — говорится о достижении видимого единства, которое выражается в совместном служении Евхаристии, как о цели экуменического движения. При этом это единство в документе описывается в эсхатологических категориях, то есть без надежды его достичь в исторически обозримом будущем. Можно сказать, что именно пессимизм в отношении реального достижения видимого единства, зафиксированный в документе 2013 г., способствует тому упадку объединительного экуменизма, о котором еще в 1989 г. писал Линдбек, в то время как новая парадигма экуменического движения «единство как общение»[30], оформившаяся в начале 1990-х гг., наоборот, способствует развитию межконфессионального экуменизма.

Реальное экуменическое сотрудничество сегодня строится на принципах практического межконфессионального, а не нормативного объединительного экуменизма. Экуменисты уже не ставят перед собой цели достижения христианского единства в виде интеркоммуниона или единой организации. Они рассматривают межхристианское экуменическое взаимодействие как общее дело. Это может быть борьба за мир, забота о бедных, противостояние дискриминации и т. д. Участники консервативных христианских альянсов в защиту традиционных ценностей поступают точно так же — разница лишь в повестке. Белорусская исследовательница Наталья Василевич называет альянс новой моделью единства в экуменическом поле[31]. Она использует в отношении консервативных альянсов термин «экуменизм, основанный на категории “ценность”» (value-based ecumenism).

Тезис Уилла Коэна о стремлении к восстановлению христианского единства как необходимом критерии полностью находится в парадигме объединительного экуменизма и соответствует тому нормативному образу, который им задается[32]. Если его принять,

29. Ibid., pp. 649–650.

30. См. об этом подробнее: *Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия. С. 277–278.

31. Vasilevich, N. *Orthodox Perspective of the Faith and Order Ecumenical Ecclesiological Convergence Document ‘The Church -Towards a Common Vision’ (2012)*, p. 17.

32. На это лишний раз указывают отсылки к статье Линдбека, которые делает Коэн, предлагая свой критерий: Cohen, W. “Politische und theologische Motivationen der (Anti-)Ökumene”, p. 26.

то за пределами экуменизма оказываются не только консервативные христианские альянсы, но и значительная часть ранних экуменических инициатив, а также современная экуменическая практика. Восстановление единства подразумевает некий процесс по его достижению, в то время как понимание единства как общего дела предполагает, что необходимая для этого степень общности уже достигнута. Актуальное единство, на основе которого возможно общее дело, возникает из признания христианской общности.

## Милитаристская риторика

Другой распространенный аргумент против признания консервативных христианских альянсов экуменизмом заключается в критике его милитаристской риторики, которая, по мнению некоторых исследователей, несовместима с «подлинным» экуменизмом.

Регина Элснер пишет, что «этосом экуменизма является общность как открытость, примирение, диалог, прощение и понимание — глубоко противоположное тому, что представляет собой большинство консервативных альянсов»[33]. По ее мнению, принципы некоторых межконфессиональных альянсов противоречат вышеописанному экуменическому этосу, поскольку они используют риторику войны и ставят перед собой цель создания христианского фронта в международных культурных войнах[34].

Действительно, консервативный экуменизм в своей риторике обращается к образам войны и различению друга и врага. В основе его милитаристской риторики лежит идея общего фронта, противостоящего «воинствующему секуляризму и либерализму». Некоторые консервативные христианские альянсы называли свое взаимодействие «окопный экуменизм» (ecumenism of trenches)[35]. Например, митрополит Иларион (Алфеев) использует метафору фронта следующим образом:

33. Elsner, R. “Wie ökumenisch sind ‘konservative christliche Allianzen’?”, p. 19.

34. Ibid., p. 20.

35. Kushiner, J.M. (2006) “Christians All Together. Touchstone’s Twenty Years of Friendship & Proclamation”, *Touchstone. A Journal of Mere Christianity*, September/October [https://www.touchstonemag.com/archives/article.php?id=19-08-003-e (accessed 03.11.2018)].

> Церковь должна искать союзников в деле защиты традиционных ценностей. Попытка выстроить общий фронт в противостоянии натиску воинствующего секуляризма — это один из основных аспектов межхристианского и межрелигиозного диалога. Здесь очень многое могут сделать вместе православные и католики и даже, в определенной степени, христиане и мусульмане. Семья, деторождение, право всех людей на жизнь, в том числе еще не родившихся, — в этих вопросах позиции традиционных конфессий достаточно близки. Совместные усилия различных религий здесь возможны еще и потому, что наша полемика с секулярным гуманизмом в основе своей носит отнюдь не богословский характер. Ведь мы спорим не о том, есть Бог или нет. Мы спорим о том, каково место человека в мире и каково будущее человеческого сообщества. Потому что от этого зависят ответы на вопросы нравственного характера, а от ответов на эти вопросы зависит сегодня само выживание целых народов[36].

Здесь следует отметить, что «открытость, примирение, диалог, прощение и понимание», которыми характеризуется, по словам Элснер, экуменический этос, применялись участниками экуменического движения прежде всего друг к другу, то есть внутри экуменического сообщества. Лишь начиная с 1970-х гг., вместе с леволиберальным поворотом, в классический экуменизм ВСЦ приходит идея инклюзивности и плюрализма, а также радикальной открытости к Другому. До того плюрализм рассматривался скорее как проблема[37].

Как уже говорилось выше, появление экуменизма стало своеобразным ответом на секуляризацию. С самых ранних этапов современный мир рассматривается участниками экуменического движения как пространство для активного преобразовательного действия, которое не всегда было свободным творчеством и сотрудничеством, но иногда и борьбой. В экуменических текстах можно встретить критику различных проявлений современности. Например, в классическом экуменическом документе — Энциклике Вселенского патриархата 1920 г. — критикуется «распро-

36. *Иларион (Алфеев), архиеп.* Позитивная программа Церкви — это спасение людей // Фома. № 6 (74) июнь 2009 [https://foma.ru/arxiepiskop-ilarion-alfeev-pozitivnaya-programma-czerkvi-eto-spasenie-lyudej.html, доступ от 03.11.2018].

37. *Киннемон М., Коуп Б.* Общее введение // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 4.

страняющееся пристрастие к излишней роскоши под предлогом улучшения уровня жизни и наслаждения ею; всеподавляющая и ничем не сдерживаемая распущенность и непристойность в литературе, живописи, театре и музыке под благопристойной вывеской о воспитании хорошего вкуса и поощрении изящных искусств; обожествление физического здоровья и пренебрежение высшими идеалами». С точки зрения автора Энциклики, «все эти и подобные им явления угрожают самой сущности христианского общества»[38].

Мы можем встретить милитаристскую риторику в речи экуменических деятелей вплоть до 1960-х гг. Например, в выступлении Юджина Карсона Блейка, ставшего спустя год генеральным секретарем ВСЦ, читаем:

> И все же как просто для всех нас повернуться спиной к этой открытой двери в христианское единство и заняться своими конфессиональными играми, которые вскормили наши прошлые предубеждения, — и это в такой момент, когда подразделения окруженной со всех сторон неприятелем церковной армии взывают к объединенному командованию Иисуса Христа, чтобы вместе противостоять наступающим на Церковь силам атеизма, скептицизма, ненависти и беспорядка[39].

В речи Ю.К. Блейка мы видим те же самые милитаристские образы, что и в словах митрополита Илариона. В обоих случаях общности христиан противопоставляется «враг»: У Блейка — силы атеизма и скептицизма, у митрополита Илариона — секулярный гуманизм. Таким образом, утверждение о том, что милитаризм противоречит «этосу экуменизма», не выдерживает критики. В противном случае нам следовало бы исключить из экуменизма довольно значительный фрагмент его истории, предшествующий лево-либеральному повороту в движении.

С другой стороны, как утверждает Дагмар Хеллер, «термин “экуменический” по определению является инклюзивным. Он

38. Энциклика Вселенского патриархата, 1920 // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 15.

39. *Блейк Ю.К.* Открытая дверь. Проповедь-диалог с Мартином Нимёллером. 1965 // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 43.

происходит от греческого слова ойкумена, которым древние греки обозначали “всю обитаемую землю”... Здесь два аспекта. Экуменическое движение (1) призывает всех христиан совместно трудиться для выполнения миссии, которую им поручил Бог, а именно (2) вместе проповедовать Евангелие всему миру»[40]. Но как я писал ранее, представления о «христианской общности» у разных типов экуменизма могут не совпадать. Например, некоторые консервативные экуменисты могут не признавать христианами либеральных христиан, одобряющих однополые браки[41]. А отстаивание традиционной нравственности декларируется консервативными христианами как подлинная проповедь Евангелия.

### Теология *versus* идеология

Наконец, нередко можно слышать еще один критический аргумент: консервативные христианские альянсы — это не экклезиальные, а общественно-политические структуры, объединенные общей идеологией, а не теологией.

С точки зрения Уилла Коэна, включение в экуменизм форм межконфессионального сотрудничества, в которых нет стремления к единству, таких как консервативные альянсы, приводит «к смещению ракурса и смысла из богословской плоскости в общественно-политическую»[42]. Определение таких форм сотрудничества в качестве экуменизма он называет не-теологическим (non-theological). Коэн говорит, что в таком, не-теологическом, понимании экуменизма можно видеть только идеологическую поляризацию. К не-теологическим определениям экуменизма Коэн относит не только консервативные христианские альянсы, но и такие формы классического экуменизма, в которых утрачен элемент стремления к единству и которые все больше оказываются привязаны к либеральной траектории, задаваемой ВСЦ[43].

Как мы видели выше, для Коэна необходимым элементом экуменического сознания является стремление к восстановле-

40. Христианский экуменизм сегодня: кризис или трансформация? С. 309–310.

41. *Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия. С. 297.

42. *Коэн. У.* Настоящий номер.

43. *Коэн. У.* Настоящий номер.

нию христианского единства, которое предполагает преодоление богословских различий между церквами и христианскими сообществами. Простое признание общности христиан, на котором строится, к примеру, взаимодействие консервативных альянсов, без работы по разрешению богословских разногласий, с его точки зрения, практически не имеет экуменического значения[44].

Богословские различия связаны с церковной доктриной, а это в свою очередь означает, что теология в таких случаях понимается прежде всего как догматическое богословие. Приведенное выше высказывание митрополита Илариона — «наша полемика с секулярным гуманизмом в основе своей носит отнюдь не богословский характер» — также следует понимать как редукцию богословия только лишь к догматике. Дело в том, что многие исследователи и церковные деятели часто по умолчанию присваивают богословский характер лишь тем дискуссиям, которые ведутся в рамках двух- и многосторонних богословских диалогов, в центре внимания которых действительно стоит вопрос преодоления доктринальных различий, мешающих объединению.

Несмотря на противопоставление теологии и идеологии, консервативный экуменизм, по Коэну, «вполне может опираться на подлинно теологические основания»[45].

Позицию противопоставления теологии и идеологии занимает и архимандрит Кирилл Говорун. Стоит отметить, что он использует в отношении обсуждаемого феномена консервативных христианских альянсов термин «идеологический экуменизм»[46]. Такой вид межхристианского взаимодействия возникает на основе объединяющей его участников идеологии. Говорун пишет:

> Расхождения между «либеральным» и «консервативным» подходами кажутся сильнее многих других различий, в том числе богословских. Многие церкви переживают внутренние разделения по этой идеологической линии. Консервативные крылья в этих церквах чувствуют себя ближе друг к другу, чем к либеральным крыльям в их собственных церквах. То же самое касается либеральных крыльев. Это создает предпосылки для того, что можно назвать

44. *Коэн. У.* Настоящий номер.

45. *Коэн У.* Настоящий номер.

46. Hovorun, C. “Ecumenism: Rapprochement Through Co-working to Reconciliation”.

> «идеологическим экуменизмом»: сближение церквей не на богословской основе, а на идеологической. В этом экуменизме теология заменяется идеологией[47].

Говорун отмечает, что идеологические альянсы складываются не только на основе консерватизма. По его словам, «либеральная идеология также часто пытается замещать теологию в экуменических движениях». К примеру, ВСЦ «время от времени попадает в ловушку идеологической ангажированности, как правило, с левым уклоном»[48].

Однако, с точки зрения Говоруна, включенность альянсов в политическую повестку еще не означает, что они автоматически становятся идеологическими. Например, когда основанием для совместной работы церквей становятся темы справедливости и солидарности, такие альянсы не являются идеологическими. Говорун пишет:

> В отличие от идеологий, которые проецируют политические программы на религию и таким образом сокращают область богословской деятельности церкви, темы справедливости и солидарности провозглашают принципы христианской веры в общественном пространстве. Они не уменьшают и не ограничивают природу и задачу церкви, а реализуют ее богословское видение посредством социальной активности. Поэтому такой тип социальной активности церкви, в отличие от идеологий, не сокращает области богословской деятельности[49].

Говорун не объясняет, почему дискурс справедливости и солидарности становится теологическим, а дискурс традиционных ценностей — идеологическим. В одной из предшествующих работ Говорун писал, что «идеология во многом имитирует богословие и использует коммуникативные инструменты Церкви»[50]. Но, к сожалению, методология различения теологии и идеологии у него остается непроясненной. Говорун пишет, что в отличие от теоло-

47. Ibid.
48. Ibid.
49. Ibid.
50. *Говорун К.* Церковь и идеология: разделения и редукции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 232.

гии, которая соединяет мир с божественным, идеологии удерживают людей в рамках земных приоритетов[51].

Однако Говорун явно спешит с утверждением, что консервативный экуменизм не имеет своего теологического дискурса. Действительно, проблема доктринальных различий для консервативных альянсов не имеет большого значения, а значит, роль догматического богословия в них не так высока. Но главная линия разделения церквей сегодня, с точки зрения консервативных христиан, проходит отнюдь не по догматическим вопросам, а по вопросам нравственности. И в этой связи ключевую роль начинает играть нравственное богословие, а также христианская антропология, которая также является теологической дисциплиной. Для участников консервативных альянсов вопросы начала и конца жизни, пола, семьи находят свое разрешение именно в теологическом дискурсе.

## Заключение

Состоявшаяся дискуссия о «консервативном экуменизме» выявила несколько важных моментов. Во-первых, она показала, что критики определения консервативных христианских альянсов как экуменического взаимодействия исходят из некоторого представления об экуменизме, которое расходится с историческими формами экуменического движения, а также современной практикой межконфессионального сотрудничества. Это тот образ экуменизма, который в рамках классического экуменического движения становится нормативным только в 1970-е гг. Значительная часть раннего экуменизма таким образом оказывается за пределами «нормативного экуменизма» вместе с большой частью экуменической практики, как консервативно, так и либерально ориентированной.

Во-вторых, эта дискуссия продемонстрировала высокую степень политизированности темы консервативных христианских альянсов. Признание этих альянсов экуменизмом оказывается для некоторых классических экуменистов вопросом этического или даже мировоззренческого выбора. Они считают, что нельзя признавать экуменизмом движение, которое использует милитаристскую риторику, пропагандирует насилие и сеет ненависть к определенным группам людей. А если и использовать

51. Hovorun, C. “Ecumenism: Rapprochement Through Co-working to Reconciliation”.

это слово для их обозначения, то обязательно с негативным эпитетом — «экуменизм ненависти» или «плохой экуменизм». При этом они нередко подчеркивают, что у консервативных экуменистов нет своей теологии, а вместо нее — идеология. Иными словами, они делают все возможное, чтобы лишить эти альянсы экклезиального статуса.

И здесь надо прояснить мою позицию по этому вопросу. Не будучи апологетом консервативных христианских альянсов, я тем не менее считаю, что отрицание их экклезиального статуса не позволяет адекватно описывать их как феномен церковной жизни. Редуцирование деятельности альянсов в защиту традиционных ценностей к чисто политическим или идеологическим факторам не позволяет понять их религиозную мотивацию и выявить особенности организации их деятельности.

К примеру, признание консервативных альянсов в качестве формы экуменического взаимодействия позволяет понять, что для участия в них требуется следование хотя бы минимальным экуменическим принципам, совокупность которых я назвал «экуменическим сознанием». Участниками консервативных альянсов не станут (во всяком случае, без кардинального пересмотра своего мировоззрения) те христиане, которые отрицают наличие христиан за пределами своих церковных сообществ, настроены на прозелитизм или считают христиан других конфессий еретиками и раскольниками, — которых с уверенностью можно назвать антиэкуменистами. Эти антиэкуменически настроенные христиане могут быть приверженцами традиционных ценностей, иметь схожие политические взгляды, практиковать те же методы борьбы за свои цели, но они никогда не объединятся с другими такими же христианами без минимальной приверженности экуменизму. Эта разница не видна через социологическую или политологическую оптику, она отрывается только в экклезиологической перспективе. Соответственно, наличие «экуменического сознания» (или его отсутствие) становится чертой, по которой можно отличать приверженцев разных групп и определять их мотивацию в публичном пространстве.

В заключение я хотел бы поблагодарить всех коллег, принявших участие в обсуждении темы «консервативного экуменизма». Эта дискуссия, на мой взгляд, имеет большое методологическое значение, прежде всего потому, что позволяет переосмыслить устоявшиеся значения экклезиологических понятий, таких как христианское единство, общность, экуменическое сотрудничество и диалог

и др., обнаружить сходства и различия между разными формами экуменического взаимодействия, заново актуализировать опыт раннего экуменизма, который до сих пор остается малоизученным. Кроме того, теологический взгляд на консервативные христианские альянсы способен дополнить методы общественных и политических наук, с помощью которых изучается данный феномен.

## Библиография / References

*Алфеев И.* Позитивная программа Церкви — это спасение людей // Фома. № 6 (74) июнь 2009 [https://foma.ru/arxiepiskop-ilarion-alfeev-pozitivnaya-programma-czerkvi-eto-spasenie-lyudej.html, доступ от 03.11.2018].

*Блейк Ю.К.* Открытая дверь. Проповедь-диалог с Мартином Нимёллером. 1965 // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 40–43.

*Говорун К.* Церковь и идеология: разделения и редукции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 225–246.

*Киннемон М., Коуп Б.* Общее введение // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 1–9.

Манхэттенская декларация — «Призыв к христианской совести». Полный текст документа // Православие и мир. 27.11.2009 [http://www.pravmir.ru/manxettenskaya-deklaraciya-prizyv-k-xristianskoj-sovesti-tekst-dokumenta/, доступ от 3.11.2018].

*Мотт Дж.* Заключительное слово на Всемирной миссионерской конференции. Эдинбург, 1910 // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 12–13.

Христианский экуменизм сегодня: кризис или трансформация? Беседа с экуменистами разных конфессий // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 302–312.

Церковь, церкви и Всемирный совет церквей // Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М.: МФТИ, 1999. С. 219–229.

*Шишков А.* Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 268–299.

Энциклика Вселенского патриархата, 1920 // Экуменическое движение. Антология ключевых текстов / под ред. М. Киннемона и Б. Коупа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 13–16.

"Entsiklika Vselenskogo patriarkhata 1920 goda" [Encyclical of the Ecumenical Patriarchate of 1920] (2002), in *Ekumenicheskoe dvizhenie. Antologiia kliuchevykh tekstov,* pp. 13–16. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia.

"Manhattan Declaration: a Call of Christian Conscience", *First Things*. 20 November 2009 [https://www.firstthings.com/web-exclusives/2009/11/manhattan-declaration-a-call-of-christian-conscience, accessed on 09.12.2018].

"Tserkov′, tserkvi i Vsemirnyi sovet tserkvei" [The Church, Churches and World Council of Churches] (1999), in *Pravoslavie i ekumenizm. Dokumenty i materialy 1902–1998*, pp. 219–229. Moscow: MFTI.

Alfeyev, H. (2009) "Pozitivnaia programma Tserkvi — eto spasenie liudei" [The Positive Program of the Church is a Salvation of People], *Foma* 6(74) [https://foma.ru/arxiepiskop-ilarion-alfeev-pozitivnaya-programma-czerkvi-eto-spasenie-lyudej.html, accessed on 03.11.2018].

Blake, E.C. (2002) "Otkrytaia dver′. Propoved′-dialog s Martinom Nimëllerom1965" [An Open Door. Sermon-dialogue with Martin Niemöller], in *Ekumenicheskoe dvizhenie. Antologiia kliuchevykh tekstov*, pp. 40–43. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia.

Cohen, W. (2018) "Politische und theologische Motivationen der (Anti-)Ökumene", *Religion & Gesellschaft in Ost und West* 10: 24–27.

Elsner, R. (2018) "Wie ökumenisch sind 'konservative christliche Allianzen'?", *Religion & Gesellschaft in Ost und West* 10: 18–20.

FitzGerald, T.E. (2004) *The Ecumenical movement: An Introductory History*. Westport, CT: Praeger

Hovorun, C. (2014) "Tserkov′ i ideologiia: razdeleniia i reduktsii" [Church and Ideology: Divisions and Reductions], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3: 225–246.

Hovorun, C. (2017) "Ecumenism: Rapprochement Through Co-working to Reconciliation," *Religions* 8 (5), 70.

Huttunen, H., Heller, D., Oeldemann, J. (2017) "Kristianskii ekumenizm segodnia: krizis ili transformatsiia? Beseda s ekumenistami raznykh konfessii" [Christian Ecumenism Today: Crisis or Transformation. An Interview with Ecumenists of Different Denominations], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 1: 302–312.

Kinnamon, M., Cope, B. (2002) "Obshchee vvedenie" [General Introduction], in *Ekumenicheskoe dvizhenie. Antologiia kliuchevykh tekstov*", pp. 1–9. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia.

Kushiner, J.M. (2006) "Christians All Together. Touchstone's Twenty Years of Frienship & Proclamation", *Touchstone. A Journal of Mere Christianity*, September/October [https://www.touchstonemag.com/archives/article.php?id=19-08-003-e (accessed 03.11.2018)].

Lindbeck, G. (1989) "Two Kinds of Ecumenism: Unitive and Interdenominational", *Gregorianum* 70 (4): 647–660.

Martin, J. (2018) "The Ecumenism of Pro-Life Movement", *Public Orthodoxy*, 01.02.2018 [https://publicorthodoxy.org/2018/02/01/the-ecumenism-of-the-pro-life-movement/, accessed on 03.11.2018].

Mott, J.R. (2002) "Zakliuchitel′noe slovo na Vsemirnoi missionerskoi konferentsii. Edinburg, 1910" in *Ekumenicheskoe dvizhenie. Antologiia kliuchevykh tekstov* ["Final Speech on the World Missionary conference. Edinburgh, 1910", in *The Ecumenical Movement: An Anthology of Key Texts and Voices*], pp. 12–13. MOSCOW: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia.

Shishkov, A. (2017) "Dva ekumenizma: konservativnye khristianskie al′iansy kak novaia forma ekumenicheskogo vzaimodeistviia" [Two Ecumenisms: Conservative Christian Alliances as a New Form of Ecumenical Cooperation], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 1: 268–299.

Stroop, C. (2016) "Bad Ecumenism: The American Culture Wars and Russia's Hard Right Turn", *Wheel* 6: 21–24.

Vasilevich, N. (2013) *Orthodox Perspective of the Faith and Order Ecumenical Ecclesiological Convergence Document 'The Church — Towards a Common Vision' (2012)*. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn.

World Council of Churches. (2013) *The Church: Toward a Common Vision*, WCC Publications.